

Знание – сила и знание – причастие

В начале Нового времени Фрэнсис Бэкон написал прославленные слова: "знание – сила". На первый план вышло знание, дающее силу, выгоду, очевидную для каждого, дающее информацию, которая обменивается на власть, богатство, физическое здоровье и т. п. Знание, расширяющее душу, отступило на второй план. К знанию – силе вела наука, основанная на членении мира по кускам, на строго очерченном эксперименте и логике. К знанию, расширяющему душу, наука не вела. Ненаучное знание постепенно теряло цену и в конце Нового времени Карнап написал, что суждение "Сикстинская мадонна прекрасна" – не более чем междометие, нечто вроде "ах!". Но если значительность прекрасного, если чувство тайны в высокой красоте – эмоциональный всхлип, то и совесть – это химера. Оба высказывания принадлежат одной эпохе, концу Нового времени, которое сегодня тянется уже после своего конца и называется постмодернизмом.

События 11 сентября были встряской, заставившей осознать возможность гибели того, что внутренне пусто. Цветущий облик Дориана Грея вдруг оказался черепом, скалившим зубы. Рухнули не только дома, рухнули символы. Это чувство испытали многие. Пьер Шперри, деятель общества "Инициатива перемен", с которым я переписываюсь, собрал поразившие его отклики. Привожу немецкий текст в русском переводе, оставляя в подлиннике английскую цитату: "Одна из передач Би-Би-Си, в анализе духовной ситуации Америки, говорила о конце "shallow society" (поверхностного общества, переводит Шперри) и о внезапном интересе к книгам глубокого содержания в книжных магазинах. В Германии два известных участника движения 1968 г. неожиданно заговорили о необходимости пробудить духовные силы Европы. Один из них, скромно назвавший себя "религиозно немзыкальным", сказал даже о конце "секуляризованного века".

В этот век террор менялся вместе с веком: росла техника, падала нравственность. Долгое время борцы за свободу убивали только тиранов. Обыватель мог спать спокойно. С середины XX столетия начался террор против кого попало. Видимо, пример гитлеровского геноцида не давал спать. Ирландцы стали истреблять англичан, арабы – евреев. Это не продолжение погромов, не стихийные выступления темной массы. Террор – обдуманное действие образованных людей, объединенных и зажженных идеей, во имя которой все позволено; съеденных идеей, как говорил Достоевский; съеденных "тотальной идеей", как это назвал Эммануэль Левинас, исследователь антиэтики тоталитаризма. С тех пор как можно говорить об интеллигенции, террор был действием политически бессильной интеллигенции против власти, мощь которой делала безнадежным восстание. При этом русские террористы пытались создать этику террора: отымая чужую жизнь – расплачиваться собственной, не пытаться бежать с места покушения, шадить женщин и детей. Сомнительные католики ирландцы и сомнительные мусульмане женщин и детей не шадил.

Одновременно в Европе и в Японии возникли анархические группы, не имевшие своей целью удар по конкретной стране: "красные бригады", "красная армия" и др. Их террор был направлен против цивилизации в целом. Первая волна захлебнулась, но продолжением ее можно считать действия антиглобалистов. Психологию террора против цивилизации можно понять по "Запискам из подполья" Достоевского: я понимаю, говорил себе подпольный человек, что здесь стена, законы развития, логика естественных наук и т. п., но я эту стену и эту логику не принимаю. Пусть я один против всего мира – все равно, мне хочется дать пинка хрустальному зданию. Известное число таких "подпольных

людей" могло встать под знамена Бен Ладена, но не они составили костяк движения. Детонатор анархического террора взорвал бомбу мусульманского фанатизма. Начался другой этап истории, где солдаты – фанатики, а генералы используют их для глобальной политической цели: возрождения и всемирного торжества халифата.

На первый взгляд, эта цель нелепа. В течение XX века империи рушились одна за другой. Казалось, что окончательно победил европейский путь развития: соревнования родственных стран. На этом фоне идея халифата выглядела анахронизмом. Но после распада Советского Союза Америка перестала быть лидером коалиции "свободного мира", она стала сама имперской силой, центром электронно-финансовой мировой империи. Идея империи снова стала носиться в воздухе, и воскресли старые призраки, припомнились другие проекты имперского мирового порядка.

Азия – это зона субглобальных империй: китайской, индийской, мусульманской (а до ислама – римско-византийской). Каждый проект мирового устройства удалось осуществить неполно, в меру возможностей передвижения – пешком, на лошади, на верблюде. Но так или иначе совершен был выход за рамки первых, грубо сколоченных царств, резко уступавших племенам в устойчивости.

Племя держалось причастием каким-то общим символам глубины, какой-то общей для племени тайне. В ранних империях власть грубо была вытащена наружу, оторвана от духовных корней. Ее пытались навязать побежденным племенам, но это плохо получалось. Возникала, в больших городах, детрибализованная масса. К этой детрибализованной массе, к ее тоске по общей всем символикке обратились мировые религии, и умные властители (порою очень плохо разбиравшиеся в богословии) поддержали их. С тех пор возникли культурные миры, более прочные, чем этносы, миры, способные ассимилировать почти любые племена. Зримыми приметами культурного мира стали общее Священное Писание, общий язык Священного Писания и общий шрифт, связанный с эстетикой пластических искусств. По своим возможностям, каждый культурный мир мог стать глобальным. В Средние века самым активным был самый молодой, мусульманский проект мироустройства. Потом его обошел Запад, выйдя в океаны и создав новый уровень и новый характер глобализации, колониально-торговый.

Успех Запада был связан с неудачей всех попыток восстановить здесь империю. И в Китае, и в Индии, и в мире ислама империи разваливались, но потом восстанавливались, опираясь на общее пространство информации и общие символы причастия священной глубине. На Западе все эти условия были, а империя почему-то не получалась. Бросается в глаза противодействие папства, а потом коварного Альбиона, сказывался рост вольных городов, тяготевших к античной свободе. В конце концов, сложились нации, сложилось соревнование культур нескольких стран, прерываемое войнами. Эта неустойчивая система имела свои слабости (которыми успешно воспользовались турки). Но примерно с XVII века выгоды вышли на первый план. Развитие науки и техники, центр которого кочевал из страны в страну, дало Западу сказочные преимущества, и отдельная европейская страна оказалась сильнее огромной азиатской империи. Англичане успешно вели опиумные войны. Индия вся попала под их власть. Этот ход истории раньше других понял Петр I, потом за ним потянулись японцы, с опозданием – другие. Тот, кто не входил в европейскую коалицию, попадал в число колоний и полукolonий.

Развитие было не простым. Христианство поколебалось, но устояло. В англосаксонских странах сложилась амальгама из религии и светского Просвещения, которая лет двести поддерживала нравственность по сю сторону Суэцкого канала и отбрасывала ее по другую сторону. Американские колонисты крепко верили в Бога и платили доллар за скальп индейца. Принимались к оплате и скальпы женщин, подростков. Росло богатство в

физических единицах и в единицах полезной информации. Росла озабоченность сохранением и приумножением богатства.

Антоний Блум, в одной из своих бесед, приводил очевидный пример: рука, держащая часы, связана часами, становится непригодной ни для чего другого. Так и с информацией. Ум, перегруженный информацией, становится неспособным к созерцанию. Человек, сидящий за рулем, должен помнить множество вещей. Нарушение правил грозит катастрофой. Пешеход, разжигающий костер в лесу, больше видит, чем турист, облетевший земной шар. Турист много увидел, но меньше созерцал. Может быть – ничего не созерцал. Он отвык созерцать, и восстановить эту привычку не просто. С потерей созерцания теряется и причастность Богу, и слово "Бог" потеряло значение. Бог умер.

Гаснет интуиция красоты и нравственная интуиция. "В конце концов, все это прекрасная физика", – сказал один из создателей атомной бомбы. Василий Гроссман был прав, заметив связь между экспансией научной мысли и экспансией бесчеловечности [1]. Тип бизнесмена террора – не национальная особенность Германии. Это предел, к которому вел общий нравственный распад. Александр Тимофеевский-старший написал прекрасное стихотворение о распаде духовного ядра личности. Повсюду между человеком и человеком вырастает пропасть. Другой перестает быть ближним, становится помехой, которую хочется устранить, если она мешает.

Философия несколько раз пыталась остановить распад. Бубер провел различие между отношением Я-Ты и отношением Я-Оно (смешанным в научном делении на субъект и объект). Марсель перевел это на язык французской мысли как противостояние вспомогательных глаголов "быть" и "иметь", как угрозу "быть" при разрастании "иметь". Фромм ввел термины Марселя в социальную психологию. За всеми этими словами просвечивает одна тревога: идет упадок причастия, вытеснение причастия обладанием. Упадок причастия разрушает культуру.

Слово "обладать" начинает употребляться в сфере, к которой оно раньше не прилагалось. Мне это бросилось в глаза в новом переводе Евангелия: "Иосиф еще не обладал Марией". В Библии так не говорили. Иногда просто описывалась физическая сторона дела: Иуда вошел к Фамари, и она зачала во чреве. Инициатива здесь принадлежала Фамари, она хотела войти в состав народа Израиля и добилась этого, родив детей от Иуды. В более важном эпизоде, в символической истории Адама, он познал Еву и ему велено "прилепиться к жене своей". Познание-прилепление наивно выражает идею причастия, а не обладания, причастия друг к другу и друг через друга – к воле Божьей, создавшей мужчину и женщину такими, какие они есть. Обладание, вторгаясь в эту область, все портит, все разрушает. Человек используется, а потом отбрасывается. И это происходит в семье, традиционном узле прилепленности, привязанности, любви.

Теряется потребность в тишине и глубине. Теряется потребность в созерцании целого, без заикленности на делах, без заикленности на исторически великих делах, съедающих его призраком величия. Теряется чередование выхода на поверхность, в мир дела, и возвращения на глубину, в созерцании красоты, в любви.

Когда я поднимаюсь на гору, мой ум освобождается от мусора забот. Он должен быть совершенно пуст. Иначе не будет причастия высоте. От высоты, может быть, родятся новые мысли, но важнее само чувство причастия, расширение сердца до вселенной. Когда я созерцаю лики, созданные Рублевым, я не приобретаю информацию, я причащаюсь огню в их глазах, я загораюсь от них, и в этом огне сгорает на какой-то миг то, что меня отделяет от Бога. На выходе из созерцания иногда хочется что-то записать. Но это будет потом.

Чтобы быть, надо причаститься бесконечному бытию, большему, чем бесконечность пространства, времени и материи. Для этого сердце должно быть незащищенным и готовым воспринимать целое в любом его повороте, в любом знаке – через глаза, через уши, через кожу.

Мы не можем не выходить на поверхность, где царит забота, где мы обороняемся от опасности, захватываем и обладаем. Но можно идти на базар, покупать провизию, варить обед – и не забывать Бога. Об этом говорил суфийский шейх, которого я уже несколько раз цитировал. Постоянная молитва православных подвижников тоже не напоминание Богу о себе, а себе о Боге. Хотя бы напоминание. Хотя бы вспоминать, когда не удастся быть. И осознавать как грех свой отрыв от глубины.

Равновесие между выходом на поверхность и возвращением в глубину редко дается и легко рушится, но если есть стремление, то будут и часы, когда время останавливается, будут и паузы созерцания, вошедшие в ритм жизни. Пусть пока только у меньшинства. С меньшинства начнется общий сдвиг.

Возрождение бытия нельзя ввести законом, нельзя начать с уровня политики, нельзя обосновать опросом населения на улицах. Оно начинается с тех, кто мог вместить эту задачу.

Я хотел этим кончить, но потом мне попала на глаза статья Мертона "Поэзия и созерцание". Вот несколько выдержек из нее:

"Одно из наиболее важных и обнадеживающих знамений времени – это беспорядочные, анархические, но глубоко обоснованные попытки небольшого меньшинства людей восстановить какой-то контакт с их собственными внутренними глубинами, открыть заново душевную свежесть и подлинность и идти от этого не только к переживанию реальности Бога, но к диалогу с духом других людей. Перед лицом нашего почти безнадежного отчуждения мы пытаемся вернуться к самим себе, пока еще не поздно. Один из наиболее выдающихся примеров этой борьбы можно видеть в почти символической карьере Бориса Пастернака, чье творчество последних лет можно назвать, в широком смысле слова, созерцательным" (Tomas Merton reader. N. Y., a. a., 1989, p. 401).

"Созерцание соотносится с искусством, богослужением, с любовью к ближнему; все это благодаря интуиции, направленной вглубь, прорывается в область, превосходящую уровень повседневных забот. Или, верней говоря, посреди обыденной жизни люди ищут и находят новое, глубиннейшее и этим глубиннейшим преобразуют всю жизнь. Искусство, богослужение и любовь проникают к источнику живых вод, текущих из глубин, где человеческий дух един с Богом, и из этих глубин черпают силу творить новый мир и новую жизнь; созерцание объединяет их там и крестит в горних водах" (с. 402).

"Этот переход от внешнего к внутреннему не имеет ничего общего с волевой сосредоточенностью или самоанализом. Мы переходим от разбивки на предметы к знанию через интуицию и сотворчество с природой. Большинство людей никогда не доходят до подлинно внутреннего – убежища молчания и мира, где собраны воедино различные формы деятельности ума и воли, собраны в одно напряженно спокойное и одухотворенное действие, которое намного плодотворнее, чем усердие разума, разрабатывающего внешнюю реальность своими анализами и силлогизмами" (с. 409).

В этом действии духа искусство – одна из первых ступеней. "Эстетическое переживание, – продолжает Мертон, – вводит нас во внутреннее святилище души и ее невыразимую

простоту. Ибо эстетическая интуиция, прорываясь сквозь объективность, "видит", отождествляя себя духовно с тем, что она созерцает... Самый факт хорошего вкуса художника или поэта – вкуса, неотделимого от его дара, – помогает избежать соблазнов, искажающих религиозное переживание еще до того, как оно укоренится и возрастет в душе" (там же). Мертон признает, что в искусстве есть свои соблазны, но созерцание уравнивает их, и не нужно зарывать в землю свой талант.

Эстетическое потрясение – одно из тех потрясений, которые разрывают плену временного и открывают лицо вечности. Мне кажется, что без развития чувствительности к красоте - в природе, в людях, в искусстве, в создании икон и в созерцании их – духовная жизнь теряет часть своей плоти. Так же как без открытости переключке двух сердец, неотделимой от переключки с сердцем мира.

СНОСКИ:

[1] Замечательно, что говорит это у него ученый, Штрум, и говорит очень обоснованно. Чувствуется, что у Гроссмана были знакомые ученые, разделявшие его тревогу.